

Это, граждане, музей — собирайся и глазей...

Мы продолжаем публиковать фрагменты из подготовленной к печати книги «Бендер — невский фронт», любезно предоставленной редакции автором Анатолием Васильевичем КОТОВЫМ, директором народного литературного музея Остапа Бендера.

(Продолжение. Начало в №19)

Среди читателей диалогия было принято считать, что Остап Бендер — образ собирательный. Но в конце 70-х годов прошлого столетия вышла книга Валентина Петровича Катаева «Алмазный мой венец», в которой автор сообщает, что Остап Бендер списан с их общего одесского знакомого.

В апреле 1997 года в «Комсомольской правде» появилась заметка о прототипе Остапа Осипе Шоре. Прошло еще полгода, и «Аргументы и факты» публикуют фото Шора и письмо Эльзы Давыдовны Раппопорт — сводной сестры Шора. В письме сестра рассказала, что Осип прибыл в Петроград в июне 1917 года и был зачислен в Технологический институт. В октябре грянула революция, и семнадцатилетний юноша остался один в страшном городе, без родителей, денег, еды и знакомых. К тому же южный парень зимой простудился и тяжело заболел. Однажды ранней весной 1918 года, немного придя в себя (молодость победила), как-то стоя у зеркала, он почувствовал, что в комнате кто-то есть (он так привык быть один). Оглянулся — никого. И тогда Осип понял: он так изменился, что не узнал свое отражение. «Еще два часа в этом городе, и я умру», — сказал себе Шор. С этого момента и начались его приключения. Осип Шор добирался до родной Одессы более десяти месяцев, а когда «прибыл до дома», то во всех красках описал перипетии своего путешествия друзьям — Ильфу и Катаеву.

Из книги Валентина Катаева «Алмазный мой венец»:

«Что касается центральной фигуры романа — Остапа Бендера, то он написан с одного из наших одесских друзей. В жизни он носил, конечно, другую фамилию, а имя Остап сохранено как весьма редкое.

Прототипом Остапа Бендера был младший брат одного замечательного молодого поэта, «друга Птицелова» (Эдуард Багрицкий), Эссеса (С. Кессельмана) и всей поэтической элиты. Он был первым футуристом (псевдоним — Анатолий Фиолетов), с которым я познакомился и подружился. Он издал к тому времени за свой счет маленькую книжечку крайне непонятных стихов в обложке из зеленой обойной бумаги с загадочным названием «Зеленые агаты».

Его брат Осип (все звали его Остап), внешность которого соавторы сохранили в своем романе почти в полной неприкосновенности — атлетическое сложение и романтический, чисто черноморский характер, не имел никакого отношения к литературе и служил в уголовном розыске по борь-

бе с бандитизмом, принявшим угрожающие размеры. Он был блестящим оперативным работником. Бандиты поклялись его убить. Но по ошибке, введенные в заблуждение фамилией, выстрелили в печень футуристу, который только что женился и как раз в это время покупал в мебельном магазине двухспальный полосатый матрац.

Самый яркий афоризм от посетителя музея: «Эти книги были нашей библией»...

Но что же в это время делал брат убитого поэта Остап? То, что он сделал, было неверно.

Он узнал, где скрываются убийцы и один, в своем широком пиджаке, матроской тельняшке и капитанке на голове, страшный и могучий, вошел в подвал, где скрывались бандиты, в так называемую хавиру, и, войдя, положил на стол свое служебное оружие — пистолет-маузер с деревянной ручкой.

Это был знак того, что он хочет говорить, а не стрелять. Бандиты ответили вежливостью на вежливость и в свою очередь положили на стол револьверы, обрезы и финки.

— Кто из вас, подлецов, убил моего брата? — спросил он.

Из темного угла вышел человек: — Ну... я убил твоего брата... Я... я здесь новенький... Я убивал по фамилии...

Легенда гласит, что Остап, никогда в жизни не проливший ни одной слезы, вынул из наружного бокового кармана декоративный платочек и вытер глаза.

— Лучше бы ты, подонок, прострелил мне печень. Ты знаешь, кого ты убил?

— Тогда не знал. А теперь уже имею сведения: известного поэта, друга Птицелова. И я прошу меня извинить. А если не можете простить, то бери свою пушку, вот тебе моя грудь — и будь дем квити.

Всю ночь Остап провел в хавире в гостях у бандитов. При свете огарков они пили чистый ректификат, не разбавляя его водой, читали стихи убитого поэта, его друга Птицелова и других поэтов, плакали и со скрежетом зубов целовались взапас.

Это были поминки, короткое перемирие, закончившееся с первыми лучами солнца, вышедшего из моря.

Остап спрятал под пиджак свой маузер

и беспрепятственно выбрался из подвала, с тем чтобы снова начать борьбу не на жизнь, а на смерть с бандитами.

Остапа тянуло к поэтам, хотя он за всю свою жизнь не написал ни одной стихотворной строчки. Но в душе он, конечно, был поэт, самый своеобразный из всех нас. Вот каков был прототип Остапа Бендера».

История же появления фамилии Бендер связана с поездкой в 1925 году Ильи Ильфа в агитрейсе на волжском пароходе «Герцен» (в романе «12 стульев» — «Скрябин») с целью распространения четвертого тиража крестьянского займа. В Саратове Ильф увидел на фронтоне сохранившегося здания надпись крупнейшего в городе Торгового дома «Андрей Бендер и Сыновья». Полагаем, что фамилия Бендер в романе появилась вполне органично. В городе, впрочем, еще остались торговые ряды, что было еще до революции, местной династии мукомолов — «Братья Шмидт». Вот она, идея сыновей лейтенанта Шмидта!

У нас нет сомнений: Арба-тов Ильфа и Петрова — это полная копия Саратова (даже название очень созвучно), и маловероятно, что посещение его прошло бесследно для любопытного и чрезвычайно наблюдательного человека, каким был Ильф. Между прочим, в этом городе Ильф Арнольдович слышал рассказ про шофера — поляка по происхождению, который после революции, будучи непризывного возраста, на фронт не попал. Во время НЭПа он восстановил старый, выброшенный на свалку автомобиль и занялся извозом. Хотя машина у него больше стояла то у городского сада «Липки», где была стоянка извозчиков, то у дома-гаража, а он в ней дремал. И что бы его не будили напрасно, написал на дверце: до Волги — столько-то, до вокзала — столько-то, за час езды — столько-то. У авторов, как мы помним, надпись на машине была «Эх, прокачу!». И хотя Остап в шутку называет ее «Антилопой-Гну», по описанию видно, что это марка «Фиат» 1902–1904 года выпуска.

Приступив к работе над «12 стульями», Ильф и Петров понимали, что предложенный Катаевым сюжет традиционен, но, по словам Петрова, они «быстро сошлись на том», что этот сюжет «не должен быть основой романа, а только причиной, поводом к тому, чтобы по-

Один из посетителей музея высказался очень верно: «Жизнь как авантюрный роман и авантюрный роман как жизнь»...

казать жизнь», и для осуществления своего замысла авторы не жалели труда. «В наши два романа мы вогнали столько наблюдений, мысли и выдумки, что хватило бы еще на десять книг», — утверждал Петров.

После упоминания Одессы как города, где родился командор, пришла пора объяснить читателю, почему Остап Бендер называет себя сыном турецкоподданного. Припомним: при первом знакомстве с Воробьяниновым Остап сообщает: «Всю контрабанду делают в Одессе на Малой Арнаутской». В начале XX века Одесса — крупнейший торговый порт России. Черноморская торговля тесно связана с Турцией (соседство плюс проливы, по которым идут суда), поэтому в Одессе находилось турецкое консульство, вернее консульство Османской империи. Знатки старого одесского быта говорят, что коммерсанты всех мастей нередко принимали турецкое подданство, чтобы в случае каких-либо неурядиц с полицией можно было воспользоваться привилегиями «иностранных граждан». Эти превращения породили много шуток и анекдотов среди одесситов. Полагаю, в этой версии и есть объяснение того, как Остап стал сыном турецкоподданного.

Экскурсанты часто спрашивают о самом первом экспонате музея. Как он появился? Это медная закладная пластинка, которую концессионеры нашли в восьмом стуле на теллоходе «Скрябин». Припомним: «Есть, — повторил Остап сорвавшимся голосом. — Держите». Ипполит Матвеевич принял в свои трепещущие руки плоский деревянный ящичек... Ящичек открыли. На дне лежала медная позеленевшая пластинка с надписью: «ЭТИМЪ ПОЛУКРЕСЛОМЪ МАСТЕРЪ ГАМБСЪ НАЧИНАЕТЪ НОВУЮ ПАРТИЮ МЕБЕЛИ. 1865 г. САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ».

Авторы и здесь не отступили от жизни. Слегка переделав текст, оставили фамилию прекрасного мастера. На не «романной» пластинке текст был другой: «ПРИДВОРНЫЙ МЕБЕЛЬЩИКЪ МАСТЕРЪ ГЕНРИХЪ ГАМБСЪ».

В свое время, заметим, мастер Гамбс с семьей проживал в Санкт-Петербурге на Итальянской улице в доме №17, там же на первом этаже располагался его мебельный салон.

Евгений Петров в своих воспоминаниях писал: «Остап Бендер был задуман как второстепенная фигура, почти что эпизодическое лицо. Для него у нас была заготовлена одна фраза: «Ключ от квартиры, где деньги лежат». Но Бендер стал постепенно выпирать из приговоренных для него рамок. Скоро мы уже не могли с ним сладить. К концу романа мы уже обращались с ним, как с живым человеком, и часто сердились на него за нахальство, с которым он пролезал почти в каждую главу».

Действительно, среди литературных героев по популярности Остапу Бендеру нет равных. Он бесспорно уникален. Диалогия приобрела черты национального эпоса. Остап, виртуозно, на грани фола балансируя на протяжении двух романов, берет и читателя в «компаньоны». Наглец, пройдоха, пройдоха, проходимец без роду и племени, мошенник, плут, нахал, бездельник, циник — вот характеристики главного действующего лица. Но в Бендера нельзя не влюбиться. В ком еще можно найти столько авантюризма, энергии, остроумия, оптимизма, предприимчивости, благородства и артистизма?!.. Сами авторы, почти насмевающиеся над своим героем в первой книге, в «Золотом теленке» совершенно откровенно любят его и сделать с собой ничего не могут...

В следующем номере вы сможете прочесть неизвестный вариант концовки романа «Золотой теленок», а также узнать о том, как Ильф и Петров собирались написать третью часть повествования о Бендере и о планах открытия памятника литературному герою в Рио-де-Жанейро.

«Ваш Остап Бендер меня доконал», — жаловался шутливо А.В. Луначарский

